

Коллин
Маккалоу

Colleen
McCullough

THE TOUCH

КОЛИН
МАККАЛОУ

Прикосновение

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
М15

Серия «Поющие в терновнике»

Colleen McCullough

THE TOUCH

Перевод с английского *У.В. Сапциной*

Компьютерный дизайн *А.И. Смирнова*

Печатается с разрешения издательства Simon & Schuster, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Маккалоу, Колин.

М15 Прикосновение : [роман] / Колин Маккалоу ; [пер. с англ. У. В. Сапциной]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 640 с. — (Поющие в терновнике).

ISBN 978-5-17-101104-8

Викторианская Австралия. Страна больших возможностей, где каждый может найти то, о чем мечтает.

Именно сюда юная Элизабет приезжает к своему жениху — богатому и влиятельному Александру Кинроссу.

Она надеется попасть в сказку — но оказывается в золотой клетке.

Она желает обрести любовь и защиту — но ее жестоко предают.

Сможет ли Элизабет бросить вызов судьбе, традициям и даже близким, чтобы стать счастливой?..

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

© Colleen McCullough, 2003

© Перевод. У.В. Сапцина, 2010

© Издание на русском языке

AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-101104-8

*Посвящается доктору Кевину Кури, которому
удается поддерживать во мне жизнь, — с любовью
и благодарностью к этому удивительному человеку.*

Часть I

1872—1885 гг.

Глава I

Перемена судьбы

— Твоему кузену Александру втемяшилось жениться, — объявил Джеймс Драммонд, поднимая голову от письма.

Вызов к отцу в парадную гостиную обрушился на Элизабет подобно удару: как правило, такие формальности предвещали нудные нотации, за которыми следовало наказание, соответствующее степени вины. Элизабет знала, в чем провинилась — пересолила утреннюю овсянку, и догадывалась, что есть несоленую кашу ей теперь придется до конца года. Отец был бережлив и не желал тратить деньги ни на единую лишнюю крупицу соли.

Заложив руки за спину, Элизабет стояла перед ветхим креслом и растерянно внимала неожиданным вестям.

— Он просит руки Джин — видать, последний разум потерял. Можно подумать, время стоит на месте! — Джеймс возмущенно потряс письмом, потом перевел глаза на свою младшую дочь. Джеймс сидел в тени, а Элизабет освещало солнце, заглядывающее в окно. — Ты тоже женщина, тебя он и получит.

— Меня?

— Оглохла ты, что ли? Да, тебя — кого же еще?

— Но если он просит руки Джин, жениться на мне не захочет!

— Сойдет любая порядочная и воспитанная девушка — судя по тому, что творится в тех местах, откуда он пишет.

— А откуда он пишет? — полюбопытствовала Элизабет, зная, что прочесть письмо ей все равно не дадут.

— Из Нового Южного Уэльса. — Джеймс удовлетворенно фыркнул. — Похоже, твой кузен Александр недурно устроился — сколотил состояние на золотых рудниках. — Он нахмурился и поспешил уточнить: — Или скопил столько денег, чтобы занять жену.

Первое потрясение Элизабет постепенно проходило, сменяясь недовольством.

— Не проще ли было бы ему выбрать жену там, отец?

— Где, в Новом Южном Уэльсе? Он пишет, что женщин там не сыскать — кроме потаскух, бывших каторжниц и гордячек из Англии. Джинни он видел, когда в прошлый раз приезжал домой, и враз потерял голову. Уже тогда сватался к ней. Но я ему отказал — где это видано, отдать девчонку, которой едва минуло шестнадцать, за ленивца, подручного кочегара из Глазго? Да, Джинни была тогда тебе ровесницей, дочка. Значит, и ты подойдешь — похоже, ему по вкусу молоденькие. Он ищет чистокровную шотландку безупречного поведения, которой можно доверять. Так он и пишет. — Джеймс Драммонд поднялся, обошел дочь и широким шагом направился на кухню. — Завари мне чаю.

Пока Элизабет сыпала заварку в прогретый чайник и заливала его кипятком, из тайника была извлечена заветная бутылочка виски. Пресвитер местной церкви Джеймс Драммонд не был ни любителем выпить, ни тем

более забулдыгой. Если он и подливал ложечку виски в чай, так только в честь знаменательных событий — таких, как рождение внука. Но чему он так обрадовался? Кто станет присматривать за ним, если и младшая дочь выйдет замуж?

Что же там написано, в этом письме? Помешивая чай, чтобы он быстрее заварился, Элизабет надеялась, что от виски у отца развяжется язык. Под хмельком он всегда становился словоохотливым. Может, тогда все и выяснится.

— А что еще пишет кузен Александр? — рискнула спросить Элизабет, дождавшись, когда отец опустошит первую чашку, и наливая вторую.

— Почти ничего. Такой же молчун, как все Драммонды. — Отец фыркнул. — Да какой из него Драммонд! Ты не поверишь — он сменил фамилию. Едва прибыл в Америку, назвал себя Кинроссом. Так что ты станешь не миссис Александр Драммонд, а миссис Александр Кинросс.

Элизабет и в голову не пришло оспаривать это бесцеремонное решение ее участи — ни в эту минуту, ни позднее, когда у нее прояснилось в голове. Сама мысль о неповиновении отцу, да еще в таком важном деле, переполняла ее ужасом, сильнее которого был разве что страх навлечь на себя гнев преподобного доктора Мюррея. Не то чтобы Элизабет Драммонд недоставало присутствия духа или смелости — и того и другого ей было не занимать: лишившись матери во младенчестве, все свои шестнадцать лет Элизабет прожила под игом двух придирчивых стариков, своего отца и священника.

— Кинросс — это не имя клана, а название нашего города и графства, — возразила она.

— Полагаю, у него были причины сменить фамилию, — с несвойственной ему снисходительностью отозвался Джеймс, допивая вторую чашку.

— Что-нибудь натворил, отец?

— Вряд ли, иначе не писал бы сюда открыто. Александр с малолетства был своевольным, даже себе во вред. Твой дядя Дункан так и не совладал с ним, как ни старался. — Джеймс испустил глубокий удовлетворенный вздох. — Ко мне переселятся Аластэр и Мэри. А когда я уйду в могилу, им останется кругленькая сумма.

— Кругленькая сумма?

— Вот-вот. Твой будущий муж прислал банковский чек тебе на дорожные расходы. Тысячу фунтов.

Элизабет ахнула:

— Тысячу?!

— А то ты не слышала! Высоко-то не заносись, дочка. Двадцати фунтов тебе с лихвой хватит на тряпки, еще пяти — на свадебный убор. Александр требует отправить тебя первым классом, с горничной — нет уж, такого мотовства я не допущу! Фу, мерзость! Завтра же первым делом дам объявление в газетах Эдинбурга и Глазго. — Отец смежил редкие блеклые ресницы, погрузившись в раздумья. — Порядочная супружеская пара из числа наших прихожан, которая надумала переселиться в Новый Южный Уэльс, — вот что мне нужно. Если согласятся взять тебя с собой, получают пятьдесят фунтов. — Он поднял веки, показав ярко-голубые глаза. — За такую сделку они ухватятся обеими руками. А я положу в карман девятьсот двадцать пять фунтов. Сумма немалая.

— А если Аластэр с Мэри не захотят переезжать, отец?

— Тогда деньги достанутся Робби с Беллой или Энгусу с Офелией, — злорадно заключил Джеймс Драммонд.

Приготовив отцу воскресный ужин — два толстых бутерброда с беконом, — Элизабет закуталась в клетчатый плед и ускользнула из дома под тем предлогом, что пора привести корову.

* * *

Дом, в котором Джеймс Драммонд вырастил свое большое семейство, стоял на окраине Кинросса — деревни, возвысившейся до статуса «базарного города» только потому, что она считалась столицей графства Кинросс. Имея площадь двенадцать на десять миль, Кинросс занимал второе место среди самых мелких графств Шотландии, но возмещал недостаток размеров некоторым подобием процветания.

Трубы суконной фабрики, двух мельниц и пивоварни изрыгали черный дым — повсюду кочегары продолжали трудиться и в воскресенье, платить им было выгоднее, чем заново разводить огонь в остывших топках в понедельник. Здесь, на юге графства, угля хватало, чтобы снабжать эти мелкие предприятия. Благодаря им Джеймс Драммонд избежал участи множества шотландцев, вынужденных в поисках работы покидать родные места и влачить жалкое существование в зловонных трущобах крупных городов. Вместе со старшим братом Дунканом, отцом Александра, Джеймс пятьдесят пять лет проработал на суконной фабрике, переворочал для англичан тысячи локтей клетчатой ткани, которую королева ввела в моду.

Резкий шотландский ветер развеивал дымные столбы; казалось, художник растушевывает большим пальцем эти нарисованные углем клубы, а сквозь них проглядывает бездонное блекло-голубое небо. Вдалеке виднелись Охилз и Ломонды, лиловые от осеннего вереска, — дикие, мрачные горы, где поскрипывают, повиснув на одной петле, двери заброшенных хижин мелких арендаторов, охотничьи угодья, куда вскоре явятся землевладельцы — стрелять оленей, удить рыбу в озерах. В единственной плодородной долине графства Кинросс паслись коровы, лошади и овцы. Коровам было суждено превратиться в нежнейшие лондонские ростбифы, чистокровных

лошадей выезжали под седло и в упряжку, овечью шерсть свозили на суконную фабрику, а мясо подавали к столу зажиточных горожан. На этой земле удавалось даже кое-что выращивать: для этой цели болотистые почвы осушили пятьдесят лет назад.

Перед городком Кинросс раскинулся Лох-Левен — голубовато-стальная, чуть подернутая рябью гладь водоема, похожего на все шотландские озера, в которые впадают янтарные речушки, протекающие через торфяники. Элизабет остановилась на берегу озера в нескольких ярдах от дома (отойти подальше она не решилась) и засмотрелась на зеленые равнины за озером, отделяющие ее от залива Ферт-оф-Форт. Иногда при восточном ветре до нее доносился рыбный запах холодных глубин Северного моря, но сегодня ветер дул с гор, пахло прелой листвой. На лох-левенском острове возвышался замок — тот самый, в котором почти год провела под стражей королева Мария Шотландская. Каково это — быть и властительницей, и узницей? Женщиной, пытающейся править страной, населенной свирепыми, воинственными мужчинами? Но Мария пыталась возродить римско-католическую церковь, и Элизабет Драммонд, воспитанная убежденными пресвитерианами, была о ней невысокого мнения.

«Я еду в далекий Новый Южный Уэльс, чтобы стать женой человека, которого никогда в жизни не видела, — думала она. — Выйти за мужчину, который хотел жениться на моей сестре, а не на мне. Я попала в ловушку, расставленную моим родным отцом. А если этот Александр Кинросс увидит меня и скажет, что я ему не нравлюсь? Если он благородный человек, он, конечно, отправит меня домой! А он наверняка благородный, если выбрал в жены девушку из семьи Драммондов. Но я читала, что в этих ужасных колониях на краю света порядочных женщин не найти — значит, он

все-таки женится на мне. Отец небесный, только бы он от меня не отказался! Сделай так, чтобы я ему понравилась!»

В школе доктора Мюррея за два года она успела научиться читать и писать, и читала хорошо, хоть и медленно. С письмом дело обстояло хуже, поскольку Джеймс ни в какую не желал тратиться на бумагу для пачкотни глупых девчонок. Зато книги Элизабет могла читать какие угодно и какие найдет — при условии, что в доме царила безукоризненная чистота, еда была приготовлена по отцовскому вкусу, деньги не транжирились попусту, а время не тратилось на болтовню с безмозглыми подружками. Книги она брала в двух местах: в библиотеке доктора Мюррея и у его многочисленных прихожанок, по рукам которых ходили до тошноты благопристойные романы. Поэтому неудивительно, что в богословии Элизабет разбиралась лучше, чем в геологии, а в домашнем хозяйстве — лучше, чем в любовной прозе.

Она и представить себе не могла, что ей уготовано стать женой, хотя в последнее время мало-помалу начинала задумываться о радостях и горестях супружеской жизни и с интересом приглядывалась к союзам старших братьев и сестер. Аластэр и Мэри, совсем не похожие друг на друга, вечно ссорились, но Элизабет чувствовала, что они накрепко связаны; Роберт и Белла были одинаково прижимистыми; у Энгуса и его болтушки Офелии едва не доходило до драк; Кэтрин и Роберт жили в Керколди, потому что он был рыбаком; Мэри и Джеймс, Энн и Энгус, Маргарет и Уильям... И старшая сестра Джин, которую в семье считали красавицей, в восемнадцать вышедшая за Монтгомери — завидного жениха для девушки из хорошей семьи, но без приданого. Муж увез ее в Единбург, в особняк на Принсез-стрит, и

с тех пор никто из кинросских Драммондов не видел Джин.

— Небось брезгует нами, — презрительно цедил Джеймс.

— И правильно делает, — возражал Аластэр, любивший Джин и по-прежнему преданный ей.

— Себялюбка! — усмехалась Мэри.

Ей там одиноко, думала Элизабет, которая почти не помнила Джин. Но Джин еще повезло: если одиночество станет невыносимым, до родных всего-то пятьдесят миль. А ей, Элизабет, уже никогда не вернуться домой, а больше она нигде и не бывала.

После замужества Маргарет было решено, что Элизабет, младшее детище Джеймса, останется старой девой — по крайней мере пока жив ее отец. Вся семья втайне надеялась, что старик долго не протянет, хотя он был крепок, как изношенные башмаки, и тверд, как скала Бен-Ломонд. Но теперь благодаря Александру Кинроссу и его тысяче фунтов все враз переменялось. Аластэр, после смерти своего тезки ставший гордостью и отрадой Джеймса, наверняка переубедит Мэри и вместе с ней и семерыми отпрысками переселится в отцовский дом. Со временем дом все равно отошел бы Аластэру: он прочно занял место в сердце Джеймса, выучившись ремеслу ткача. Но Мэри... бедняжка Мэри, вот ей достанется! Отец считает ее злостной мотовкой: мало того что она покупает детям воскресные башмаки, так еще и выставляет на стол джем не только к завтраку, но и к ужину. Едва она переберется к Джеймсу, ее детям придется ходить в грубых опорках и лакомиться джемом только по воскресеньям.

Налетел ветер; Элизабет поехала — скорее от страха, чем от внезапного холода. Как там сказал отец об Александре Кинроссе? «Ленивец, подручный кочегара из Глазго». Ленивец? Что это значит? Что Алек-

сандр Кинросс ни на что не годится? Может, он даже не встретит ее?

— Элизабет, иди в дом! — послышался голос Джеймса. Элизабет послушно поспешила на зов.

Дни летели так, словно стоворились не давать Элизабет времени задумываться; как она ни старалась по вечерам не засыпать, не обдумав прежде свое будущее, сон сражал ее, едва она ложилась в постель. Между Джеймсом и Мэри каждый день вспыхивали ссоры; Аластэру, который с рассветом уходил на фабрику и возвращался затемно, повезло не слышать их. Всю мебель Мэри перевезли в новое жилье, где она вытеснила ветхую и невзрачную обстановку Джеймса. Элизабет то бегала вверх-вниз по лестницам, нагруженная кипами белья и грудями обуви, то помогала проталкивать в дверь пианино, бюро, гардероб, то развешивала на бельевой веревке очередной ковер Мэри и старательно выбивала из него пыль. Мэри приходилась ей кузиной со стороны Мюрреев, в семью она принесла не только приданое и небольшое содержание от отца-фермера, но и независимость суждений — по мнению Элизабет, чрезмерную для женщины. И никто не посягнул на мнение Мэри даже после того, как она переселилась к свекру. А Элизабет с изумлением обнаружила, что ее отец не всегда побеждает в спорах. Джем по-прежнему появлялся на столе каждое утро и каждый вечер. По воскресеньям дети отправлялись на службу к доктору Мюррею в новых башмаках. А Мэри хвастала стройными щиколотками и ступнями в изящных синих козловых туфельках на таких высоких каблуках, на которых могла лишь семенить. Джеймс не жалел времени и сил на вдохновенные скандалы и вскоре привил внукам здоровый страх перед тростью, но вскоре убедился, что Аластэром Мэри вертит как пожелает.